

Швецова Т. С.

Семантика путешествия в творческой биографии Н. В. Гоголя

*Н*астоящая статья посвящена анализу категорий «путь», «путешествие», «путешественник», «дорога» в творчестве Н. В. Гоголя на материале его писем современникам. В контексте гоголевского эпистолярия путешествие предстаёт как особая форма жизни и творчества писателя, осмысляемая им как необходимое условие целеполагания. По мысли Гоголя, жизненный путь должен быть соотнесён с начертанным свыше дорожным маршрутом и только в этом случае возможно обретение собственной «дороги жизни». И эта дорога далеко не обязательно будет соответствовать представлению о приоритете прямолинейного движения к цели. Особенно это справедливо в том случае, если это дорога русского человека. Русский человек нередко норовит свернуть с прямой дороги, но, по мысли Гоголя, это движение в сторону, в конечном счёте, и нужно ему только для того, чтобы не сбиться с истинного – определённого божественной силой – пути его жизни.

Любой текст, будучи воплощением духовно-практического опыта, психических и этических качеств его создателя, представляется способом выражения творческой личности. Одним из наиболее авторитетных источников при определении её характеристик является эпистолярый.

Настоящее исследование посвящено вопросу о том, как рефлексировать путешествие Н. В. Гоголь, опираясь на содержание его писем. В ходе контент-анализа текстов, адресованных Данилевскому, Жуковскому, Плетнёву, Погдину, Аксакову, Смирновой, Виельгорским, Сологубу, Шевырёву, Языкову, Иванову и Балабиной, была произведена выборка следующих слов: «путь», «путешествие», «путешественник», «дорога». Обнаруживается свыше 200 писем, удовлетворяющих условиям поиска, которые охватывают период с 1825 по 1851 год.

Одна из особенностей жизни Гоголя – тяга к непрерывному перемещению в пространстве, постоянному движению, благоприятно воздействующему на физическое и духовное состояние писателя. Примечательно, что немалую часть своей жизни Гоголь провёл в дороге, которая, согласно его собственным ощущениям, неизменно обладала целительным эффектом:

О, если б я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня <...> [XI: 323], Теперь мне нужны дорога и путешествие: они одни, как я уже заметил, восстанавливают меня [XI: 330], Лето мне следует провести в путешествиях и переездах: это действует на меня хорошо [XII: 472], <...> дорога и переезды мне делали добро [XII: 478], Путешествие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений <...> [XIII: 43].

Гоголь мыслил себя «путешественником, который уложил уже все свои вещи в чемодан и усталый, но покойный ожидает только подъезда кареты, понесущей его в далёкий верный желанный путь» [XI: 343], на что указывают его письма, адресованные Данилевскому из Рима, который писатель считал настоящей святыней, родиной и пристанищем своей души, «где душа моя жила ещё прежде меня, прежде чем я родился на свет» [XI: 141]. Важно, что пребывание человека на земле осознавалось Гоголем как путешествие по пути, начертанному свыше, и сравнивалось с ролью любопытного зрителя, а вовсе не участвующего актёра:

Но нет человека, который бы не был создан и определён к чему-нибудь, и горе тому, кто не даст труда узнать себя, кто не испытает и не пробует себя и не просит помощи у высших сил обрести и попасть на свою дорогу. Круг велик вокруг нас, и дорог множество» [XII: 137].

Поиск и нахождение «той самой» дороги, согласно гоголевским суждениям, есть высшее благо, дарованное людям, ибо всё «дивно и мудро расположено высшею волею» [XI: 331]:

Бог не оставит на дороге заблуждёнью того, кто ему молится и от всех сил хочет ему работать, хоть бы и заставил его лукавый поколесить несколько в сторону. Бог выведет его вновь на дорогу. Это невозможно: молящегося Бог никогда не оставит [XIII: 341].

Прокладывание разного рода «дорог», будь то жизненный путь или маршрут очередного путешествия, Гоголь зачастую связывает с божественным замыслом, который реализуется в судьбах отдельных людей и всего человечества в целом.

Писатель отмечает, что «<...> нынешние путешественники, охотники до комфорта и трактиров, с больших дорог не сворачивают и стараются пролететь как можно скорее. При полном незнании земли своей утвердилась у всех гордая уверенность, будто знают её. А между тем какую бездну нужно прочесть даже для того только, чтобы узнать, как мало знаешь, и чтобы быть в состоянии путешествовать по России <...>» [XIV: 147], демонстрируя нежелание/невозможность многих следовать своему истинному пути, с которого так важно не сойти, минуя собственный маршрут. Кроме того, Гоголь неоднократно акцентирует внимание на том, что у каждого человека должна иметься некая цель в пути:

Она должна быть и у всех в виду, но стремления к ней различны, и дорога к одному и тому же у всякого своя. И если человек уже дошёл до того, что может

видеть сам свои недостатки и пороки и видеть свою природу, он один только может знать, какой дорогой ему возможней идти. Для тех же самых причин одному потребно непрерывное столкновение со светом, другому потребна цыганская жизнь [XII: 384].

Интересно, что писателем явно различаются пути «по прямой» и пути, которые едва ли можно назвать линейными. Он отмечает, что русскому человеку, блуждающему по жизни, не свойственны простые, очевидные ходы. Русский нередко норовит свернуть с прямой дороги, но, по мысли Гоголя, это, скорее, лишь уточняет его маршрут.

«Нужно уважать путь и дорогу всякого человека» [XIII: 200], «... и счастлив тот, кто, всё это сообразя вперёд, прокладывает сам себе дорогу, не опираясь ни на кого, кроме – на Бога» [XIV: 226], – читаем в письмах Иванову из Неаполя и Рима.

В труде П. В. Анненкова «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года» представлено любопытное воспоминание итальянского кардинала Джузеппе Меццофанти, где рассказывается о том, как писатель, следуя типичному русскому пути, отдавал предпочтение извилистому маршруту, не обращая внимание на советы осведомлённых прохожих:

Он беспрестанно расспрашивал всех прохожих о дороге и почти всегда брал не в ту сторону, которую указывали: излишнее желание отличиться услугой сбивало его поминутно с толку. Мы остановили даже одного весьма почтенного мужчину с важной физиономией и с зонтиком в руке. Он подробно изъяснил нам путь, а когда, по обыкновению, отойдя несколько шагов, проводник мой вдруг повернул ни с того ни с сего в переулок, совершенно противоположный указанному направлению, почтенный старец, позабыв лета и важность, пустился за ним вдогонку, крича: *Ma dovè vada, corpo di Vasso?* – Да куда же ты идёшь, чёрт возьми? – Запыхавшись, нагнал он проводника, сделал ему препорядочный выговор, поставил на надлежащий путь и, едва обращая внимание на мои изъявления благодарности, спокойно возвратился на свою дорогу <...> На другой день после прощального дружеского обеда в обыкновенной нашей локанде Гоголь проводил меня до дилижанса и на расставаньи сказал мне с неподдельным участием и лаской: «Прощайте, Жюль. Помните мои слова. До Неаполя вы сыщете легко дорогу; но надо отыскать дорогу поважнее, чтоб в жизни была дорога; их множество, и стоит только выбрать <...>»¹.

Современные исследователи уже указали на принципиальную разницу между человеком русским и иностранцем, когда дело касается личностных изменений, которые могут произойти с тем и другим в процессе шествия по жизненной дороге:

Человек «готовый», неспособный к изменению и развитию, будет опознаваться у Гоголя как человек нерусский, а человек нерусский будет, в свою очередь, связываться у него прежде всего с фигурой немца [Савинков, 2017: 167].

Важно, что у немецкого модуса существования есть высокий и низкий стиливой регистр (строгость неизменных правил, жизненных установок, чёткость целеполагания наряду с «превосходным пьянством»). Регистр непутёвости и запойности есть и у русских. Всё же «Гоголю явно импонирует

¹ Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. М., 1952. С. 242, 291.

всегда таящаяся в природе русского человека готовность к резким и неожиданным переходам из одного состояния в другое, возможность, по слову Гоголя, "оторваться"» [Савинков, 2017: 168]. Этот самый «отрыв» мыслится как желание и возможность русского человека непременно сойти с заданной траектории, чтобы впоследствии обрести себя, своё предназначение, свой путь.

В ходе изучения гоголевского эпистолярия обнаруживается смысловая оппозиция «путь истинный» – «путь ложный», которая в дальнейшем реализуется в нескольких значениях.

Понятие «путь истинный» в письмах Гоголя сопрягается с такими категориями, как «терпение и покой» [X: 149], «интерес для души» [XII: 481], «надежда» [XII: 536], «ясность» [XII: 536], «спасение» и «твёрдость» [XII: 536].

«Путь ложный»/«тернистый путь», по Гоголю, есть «невыразимая тоска» [X: 147], «временный обман» [XII: 247], «тоска и беспокойство» [XII: 486], «одиночество и скука» [XII: 481]. На этом неприглядном пути по обыкновению встречаются «отшатнувшиеся» [XII: 486] люди, оказавшиеся на обочине жизненного пространства в силу разных обстоятельств (чаще пьянства).

Примечательно, что на протяжении различных временных отрезков Гоголь неодинаково воспринимал «пути» и «дороги». В частности, 1820–30-е годы жизни писателя в целом отражают оптимистически-решительные настроения:

<...> знаю только, что если бы втрое, вчетверо, всотеро раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня и не остановили меня на моей дороге [X: 138], Но путь у меня другой дорога прямее, и в душе более силы итти твёрдым шагом [X: 138], Нужно же когда-нибудь направить <...> на прямой путь» [XI: 96].

1840-е годы (самый обширный эпистолярный сегмент) во многом отмечаются реалистическим отношением к жизни со всеми её трудностями:

Но прежде всего, ради всего святого в мире, не упадите духом. Всякий перелом, посылаемый человеку, чудно-благодетелен. Это лучшее, что только есть в жизни. Звезда и светильник, указующий ему, [человеку] наконец, его настоящий путь. Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом [XI: 350], Многие из молодых людей видят теперь и сами, на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились [XIV: 149]. Разве жизнь наша рай и должна быть как ровная гладкая дорога, без всяких приключений, для одних только удовольствий да для наслаждений? Так зачем же тогда будущая жизнь нам? [XII: 175].

1850-е годы (самый немногочисленный сегмент), в свою очередь, пронизаны пессимизмом и тревогой, угасанием былых надежд и потерей отрадного утешения, что во многом обусловлено ухудшением состояния писателя, ощущением разочарования и усталости:

Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна [XIV: 253]. Нервы мои, расколотые всякими тревогами, до того раздражились, что дорога и езда, доселе всегда благотворно действовавшие на здоровье моё, теперь стали действовать совершенно напротив [XIV: 256].

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий прослеживается динамика гоголевского восприятия от явной жажды путешествий до состояния раздражения и тревоги, когда любые передвижения и перемены как таковые начинают действовать совершенно напротив.

Литература

Савинков С. В. Как развиться до русского человека и не превратиться в немца: об авторском поведении Н. В. Гоголя в 1840-е годы // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М., 2017. С. 165–180.